

ОН ДАРИЛ СЛОВАМ ЦВЕТЕНЬЕ

19 июля 2000 года после продолжительной болезни ушёл из жизни выдающийся поэт, писавший на русском языке, заслуженный деятель искусств Азербайджанской Республики, переводчик, основоположник научно-художественного перевода азербайджанской поэзии на русский язык Владимир Абдул-Азим оглу Кафаров. Владимир Кафаров родился 19 мая 1935 года в городе Сабрабад. Рано почувствовал тягу к поэтическим опытам, и был впервые опубликован в 1952 году в газете «Вышка» (стихотворение «Сын»).

Его первые переводы были напечатаны в университетской газете в 1953 году, а в республиканской – в 1954 году. После окончания Азербайджанского государственного университета в 1957 году, работал в журнале «Литературный Азербайджан», в «Литературной газете», газетах «Азербайджан ордусу», «Юнай», «Бакинский рабочий». Долгое время руководил Литературным объединением «Родник» при «Вышке». В. Кафаров издал более сорока книг-переводов, среди которых «Баяты», «Ларец жемчужин», десять сборников из серии «Азербайджанская ашугская поэзия», дастан «Кёроглу», главы из «Китаби Деде Горгуд», стихи Мехсети Ганджеви, Вагида, Физули, С. Вургун, М. Мушгифа, Р.Разы, Б. Вагазаде и др. поэтов. В. Кафаров был также замечательным журналистом.

Помню, ещё будучи школьником, он особенно любил поэзию, я случайно прочёл одно из рубаи Мехсети Ганджеви в переводе Владимира Кафарова, который на всю жизнь врезался в мою память...

Как не потерять голову от последних событий, увидевших гениальнейшей поэтессой Азербайджана почти тысячу лет назад – мировые войны, развал СССР, Чёрный Январь, Карабах, Грузия, украинский майдан сегодняшнего дня – от чего только не кружится голова, недолго вообще потерять всякое понятие о разумных началах ума человеческого:

*На колесе времен – не год, не два –
Вечучьс – полужива, полумертва,
Кружится колесо – весь мир кружится,
И у меня кружится голова.*

Будучи уже взрослым, я был поражен узнав, что и Владимир Азимович особенно дорого именно этот её поэтический экспонат видения окружающего мира.

«Мехсети Ганджеви – единственная поэтесса в кругу корифеев Возрождения», – писал он, – в лирике которой

есть сдержанность Данте, нежность Петрарки, лукавство Боккаччо. Более того, она родилась почти на два столетия раньше, чем самый старший из них, являясь единственной поэтессой в кругу корифеев Возрождения. Никакой фигуры, равной ей, не выдвинул ни Запад, ни Восток... Но основное направление её поэзии – философская лирика. Только в результате глубоких раздумий, и долгих поисков могла появиться такая миниатюра».

«Рубаи» (Баку, 1964 г.) остаётся наилучшим, на мой взгляд, переводным произведением из всего созданного В. Кафаровым. В творчестве Мехсети Ганджеви блистательно выражена любовно-чувственная лирика. Малая форма рубаи требует незаурядного, высокого мастерства – ведь многообразие четверостишия создавалось экспромтом, будто мимолетно! И хотя рубаи, творения письменной литературы – они родственны баяты – созданию устного народного творчества.

На Востоке не было принято живописать людской портрет, ставить памятники, а тем более женщинам. Но Мехсети Ганджеви «бессмертными» четверостишиями сама себе воздвигла памятник, к подножию которого, как скромный веночек, Владимир Кафаров принёс томик её стихов, впервые изданный на русском языке.

Переводом занимались многие, мастера передавая поэтическую суть иноязычной строки стиха, руководствуясь чаще подстрочником, и порой, совсем не владея языком оригинала. Владимир Азимович же глубоко знал и чувствовал как азербайджанский, так и русский языки.

«Он не только знает материал, но и любит его... Перевод его точен в той мере, в какой может и должен быть точен перевод», – писал Павел Антокольский.

«Уж до чего был придричив и скуп в оценках Ярослав Смеляков, и тот, – говорил Б. Вахабадзе, – прочитав моё стихотворение в переводе В. Кафарова

*Им ковался меч свободы
Чистого листа,
Чтобы стали переводы
Росписи чета.*

«Перед красотой», вслух повторил конюшко: «Остановили не автомобиль, а время мы остановили», и потом ещё раз пробежал глазами текст и произнёс, обращаясь словно бы не ко мне, а самому себе: «Вот, посмотри, русским языком пересказано, а все-таки вроде бы по-азербайджански! Это дорогого стоит. Передать слогом каждый может, а вот воссоздать дух – такое не каждому дано».

О работе над своими переводными четверостишиями Владимир Азимович не раз писал («Большие трудности малого жанра», «Капли в море» и др.), о чём было опубликовано на девяти европейских языках и распространено в 1000 странах мира.

Он был неистощим в поисках и находках всё новых и новых имён азербайджанских поэтов-ашуг, которых он неустанно переводил, чтобы расширить и издать свою антологию «Я – ашуг, люблю тебя». Этот сборник был задуман как пантеон славы, в котором он старался не забыть никого, начиная с XVI столетия по 20-е годы XX века. За это время по земле Азербайджана прошло 1000 ашугов, и это – только те, что зафиксированы. В этой антологии должна была войти и воцариться «Звезда Алескера».

«Федославная ашугов идёт от варсагов и озанов – не просто певцов-поэтов и сказителей, но и мудрецов, ведунов», – писал В. Кафаров. – Ашуг Алескер, знаток слова и сердца человеческого, стал патриархом народного искусства».

Константин Симонов, большой русский поэт, первым перевёл стихи ашуга Алескера, вслед за которыми и Владимир Азимович сказал, что его путеводная звезда – это олицетворённое единство народов и культур, дружба учителей, и призывал свою Музу:

*...Если парус дум моих летучих
Нас бросит в океаны и моря,
Не бойся – я дорог не знаю людских,
Чем те, где не встают на якоря.*

Народная поэзия и новейшая наука о переводе – моря, полные неожиданностей. Ашуг Алескер родился, когда Пушкину было двадцать два, а Лермонтову – четыре года. Он был старшим современником своих знаменитых собратьев – Сулеймана Стальского и Джамбула Джабаева. В Кафаров переживая его путь, чувствовал себя взрослее, затем – ровесником, а потом видел как Алескер, сокращая вековой разрыв, шёл ему навстречу.

«Он молодой, а я старился» – говорил Владимир Азимович и, обращаясь к патриарху, писал:

*Не думай – я не постарел, я просто
Хочу, чтоб всё в нас оставило след.
Чтоб мы, не дожившие до ста,
Прожить умели за день десять лет.*

У Владимира Азимовича было много планов, которым...не суждено было осуществиться. Вот, что писала Людмила Хохлова: «Не раз он выступал на страницах «Бакинского рабочего» с предложением создать коллективными усилиями щедро иллюстрированный сборник энциклопедического характера, посвященный истории возникновения, традициям и обычаям праздника Новруз... Директор издательства «Азербайджан» Назим Ибрагимов поддержал эту идею, посчитав её реализацией значительным событием XXI века. И вновь – но... О, эти злополучные «но» – так и не позволившие ему издать более восьми, как он не раз говорил, готовых к печати книг по переводам и

другим вопросам азербайджано-русской поэзии. И, тем не менее, на страницах газеты «Мир литературы» (№3, 2012 г.) были напечатаны «Костры на дорогах столетий» – своеобразный план-конспект предполагаемого издания, поражающий глубиной знания народных обычаев и традиций.

Не могу не отметить, с каким восторгом вспоминал о нём его одноклассник и друг, заместитель ответственного секретаря газеты «Вышка» Тофик Агаев, который более 10 лет корреспондентом, неожиданно увидел в книжном магазине «Баяты». Они неоднократно печатались в Баку, Москве и Ленинграде, многие включены в учебную практику средней школы.

Более полувека тому назад Владимир Кафаров впервые дерзнул передать русским языком азербайджанские баяты, считавшиеся к тому же, непериодическими. Баяты – производное от этнонима «баят» – племени, из которого вышел великий Горгуд. Поначалу столицей Карабахского ханства был населённый пункт Баят, откуда со временем баяты и песни, созданные в Шуше, Ханкенди, Аскеране и их окрестностях, разномыслились по всему Азербайджану.

*Ты земля Шуши, – бальзам,
Прилужи тебя к глазам.
Письмецо прислал любимой –
Радость с горем пополам.*

Баяты – жемчужины народной поэзии – богатство, которое не скудеет, если им делиться с другими народами и людьми. Именно эта убеждённости и руководила Владимиром Азимовичем, создавшим «Ларец жемчужин».

Владимира Кафарова высоко ценили и Константин Симонов, и Расул Рза, и Сулейман Рустам, с которым его связывала сердечная дружба. А Рашид Бейбузов – о чём мало кто знает, пел «Малыч веселый из Карабаха» именно на слова В. Кафарова, и слышать не хотел, когда ему нужен был перевод азербайджанской песни на русский язык, чтобы его осуществил кто-либо другой, кроме Владимира Азимовича.

В. Кафаров очень любил Каспийское море, и в общей сложности провёл около трёх лет на Нефтяных Камнях, воспевая труженников Нефтеграда, библиотеку которого теперь носит его имя.

В заключение предлагаю уважаемому газете «Вышка» стихотворение Владимира Азимовича Кафарова, послужившее своеобразным предостолом для скульптурного воплощения его поэтического образа.

АЗЕРБАЙДЖАН, СТРАНА ОГНЕЙ, ОТЧИЗНА...

*Азербайджан, Страна Огней, Отчизна,
Ты каждой ночью мне сулишь зарю.
За то, что признан я тобой и признан,
Благодарю, как сын, благодарю.
Держался в стве не вороной белой,
И для тебя я тоже что-то сделал –
Мы всё же для чего-то живём!
Пусть кто-то там тиражирует обращения,
О минных подвигах своих труба,
А я пытаюсь вымолить прощенье
За всё, что я не сделал для тебя.*

И последние слова посвящённого ему стихотворения «Он дарил словам цветение»:

*Ещё древние вепи:
Возвращается в полёт
Из немногих только тот,
Чьи слова нам пицей стали!*

P.S.
Давно настало время издать монографический труд, посвященный творчеству В.А. Кафарова, который почти «забыт». Вероятно, покажется странным, что в галерее современных писателей очень трудно найти хорошую фотографию В. Кафарова.
Ю. МАМЕДОВ.